

Содержание

Вместо предисловия	9
--------------------------	---

I. “ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ...”

Новый год в городе макумбы	17
Костюм Казановы	27
Стол как холст	33
Портвейн у камина	39
Тепло модерна	45
Глоток бургундского	50
Песни левантийской Ривьеры	57
Города-герои	63
Сага об исландцах	68

II. ЗА СКОБКАМИ ГОДА

Город Старика Хоттабыча	85
За скобками года	88
Самый западный русский город	91
У Лукоморья	94

Туман на болоте	97
Рождество на Пятой авеню	100
Снежное кольцо	103
Другая Франция	106
Тройная Троя	109
Сикстинский город	112
Сказания о Праге	115
Идеальный город	118
Имперский пригород	121
Молодец Оломоуц	124
Дом Волка	127
В гостях у Троицкого	130
Дон Жуан в Севилье	133
В Берген под музыку	136
Пестрая зима	139
Дали Каталонии	142
Капище на Дунае	145
Краков	148
Великий городишко	151
Страна в центре города	154
Храм войны	157
Тольтекский футбол	160
Где началась холодная война	163
Посещение чудовища	166
Похвала поражению	169

III. “ЖИВЕМ МЫ В ИСТОРИИ...”

Армения	175
Львовские львы	209
Закарпатское время	220

IV. НЕЖНОСТЬ ТРЕСКОВЫХ ПОДБОРОДКОВ

Карпаччо имени Карпаччо	233
Разгадка Россини	237
Штрудель, шницель, шраммель	240
Обед с Шерлоком Холмсом	244
Нежность тресковых подбородков	248
Русская тройка	252
Радостное разрушение красоты	256
Банальный стейк из тапира	260
Пицца для глаз	264
Рыночные отношения	268
Каша а ла рюсс	272

V. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТЕЛЕЭКРАНУ 277

VI. КАРТИНЫ ИТАЛИИ

Главы из неоконченной книги

В начале. Джотто	295
Последний трубадур: Симоне Мартини	317
Наглядное пособие. Пьетро и Амброджо Лоренцетти	339

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Набросок предисловия и предполагаемое оглавление книги “Картины Италии”</i>	<i>366</i>
--	------------

*Best of the best: храмы, капеллы, музеи, площади,
вода в городе* 367

VII. ИЗ ИНТЕРВЬЮ РАЗНЫХ ЛЕТ 373

ПРИЛОЖЕНИЕ

*По две категории сведений, которым стоит доверять и не
доверять в путеводителях* 393

Первые публикации 395

Вместо предисловия

Мало ли чем существенным в жизни можно заниматься, не описывая и даже не имея это в виду. Любовь, семья, профессия, еда — явления самодостаточные. Но путешествовать и молчать об этом — не только противоестественно, но и глупо. Более того — невозможно.

Вяземский в “Старой записной книжке”: “Вчера приехал Тургенев. Он отдумал ехать в Ирландию, убоясь моря и рвоты, а в Шотландию — потому, что некуда писать оттуда. Брат лучше его знает все, что будет он ему описывать, а меня в России нет...” Так и не увидал Александр Тургенев Ирландии и Шотландии. А они — его.

Движение тут встречное, взаимообогащающее. Место выигрывает от визита вдумчивого наблюдателя, пожалуй, больше, чем он сам. Он что, он — частность, а страна и народ превращаются в стереотип, и, в конечном счете, очень важно для всякой жизни — социальной, политической, экономической, — в какой именно.

Крайний и оттого лабораторно чистый — советский случай. Лишенный собственной возможности передвигаться по миру читатель населял планету тем, чему позволено было стоять на полках. Там одновременно жили французы конца XVIII века из “Писем русского путешественника”, малайцы середины XIX столетия из “Фрегата “Паллада”, новогвиней-

ские папуасы 80-х годов того же века из Миклухо-Маклая, американцы 30-х уже следующего столетия из “Одноэтажной Америки”, африканцы и южноамериканцы 50-х Ганзелки и Зикмунда. И т. д. Каша в голове, но любая каша лучше, чем пустой котелок. Мир получался по-страбоновски диковинный, но получался. Хорошо, если “страбон” попался добросовестный и доброжелательный.

А само-то желание описывать свою дорогу неистребимо, иначе лучше сидеть на печи, довольствуясь тем, что напыщено и искусственно именуется “путешествия духа”. Словно одно противоречит другому.

Путешествие — вовсе не поиск незнаемого. Путешествие — способ самопознания.

Чтобы понять, кто ты и зачем, существуют разные способы. Большинство из них затруднительны умственно или физически: углубленное изучение философии, погружение в религию с молитвой и аскезой. Не всякому под силу. Есть метод более доступный, веселый и комфортабельный — отправлять в дорогу не дух и разум, а тело. Каждому известно, что он повсюду разный: дома — один, в деловой поездке — другой, в курортном отпуске — третий, и уж вовсе на всех троих не похожий — в чужой стране.

Как нас учили в школе: чем больше точек — тем точнее график. По пунктам собственных передвижений вернее выстроится график твоей жизни, и ты, может быть, больше о себе поймешь.

Сейчас мне кажется, что осознал это очень рано, — может, додумываю. Но помню с волнением, как мы всей семьей громоздились в грузовик поверх мебели и начинался путь из центра Риги к берегу нашего мелкого и холодного Рижского залива, где проходили три месяца — самые увлекательные в году, потому что исполненные захватывающей новизны.

Дорога занимала не больше часа, но была именно *путешествием*. Сильно подозреваю, что тогда и возникла не утихающая по сей день страсть к перемещениям в пространстве.

Ведь все оказывалось новым: не говоря о растительности и архитектуре, даже люди представляли другими. В городе вокруг меня все были русские, а дачи снимались у латышей, их дети давали первые уроки двуязычия. С ними мы играли не только в футбол и пинг-понг, но и в сугубо “дачный новус” — игру, известную, кажется, только в Латвии и Эстонии (квадратный стол, по которому киями на манер бильярдных загоняли в лузы деревянные шайбы). Все было не так. И важнейшее обстоятельство: новым, иным, малознакомым самому себе оказывался ты сам. На себя можно было — и приходилось — поглядеть со стороны.

Если бы у меня было столько денег, чтобы о них не думать, я бы очень медленно путешествовал по миру. Приезжал бы в какое-то место, снимал жилье, ходил на рынок, пытался болтать с торговцами, готовил тамошние блюда, листал местные газеты, вперялся в телевизор, болел за городскую футбольную команду. Потом, через несколько месяцев (а может, лет), уезжал, узнав довольно много о них — из любопытства, и еще больше о себе — из настоящей внутренней потребности. Потребность эта есть у каждого, только не все сознают и не все признаются.

Давно уже стараюсь совмещать перемещения в пространстве с перемещениями во времени. То есть становится все более интересно приезжать не в новые места, а в те, где уже бывал. Места-то не изменились — изменился ты. И то, как по-другому воспринимаешь нечто прежнее, опять-таки что-то скажет тебе о тебе. Это как перечитывать классику. “Анна Каренина”, прочитанная в двадцать лет, — одно, в сорок — совершенно другое.

Писатели осознали целебность перемещений раньше других. Или — наоборот — эти, кто осознал, и стали первыми писателями?

Во всяком случае, одна из первых в истории человечества книг, которая может быть названа книгой, — египетский папирус, хранящийся в Эрмитаже: “Потерпевший кораблекру-

шение”. Наследие Среднего царства — примерно четыре тысячи лет назад. Корабль отправился на фараонские рудники, в буре все погубили, спасся один автор, а зашедшее на остров судно выручило его. Написано от первого лица — классический жанр путешествия.

Надо ли напоминать, в каком жанре создана основа основ всей западной литературы — гомеровская “Одиссея”?

А что есть Деяния святых апостолов с их приключенческими перемещениями по Восточному Средиземноморью: Ближний Восток, Малая Азия, Кипр, Греция, Рим, наконец? Специфика жанра допустила здесь самое забавное во всем Писании место: “Иные насмехаясь говорили: они напились сладкого вина. Петр же <...> возвысил голос свой и возгласил им: ...Они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня” (Деян. 2: 13–15). Делов-то — среди дня выпить. Подобные бытовые детали — неотъемлемая часть, строительный материал литературы путешествий.

В реальных и виртуальных странствиях наглядно и ощутимо убеждаешься в колоссальной важности географии для характера страны и человека. Применительно к России об этом писал Ключевский, но надо же посмотреть и потрогать самому.

Чем слабее цивилизация, тем важнее география. Даже Москва, не говоря о глубинке, зимой — город Третьего мира, при том что вполне северные Стокгольм или Осло почему-то круглый год одинаково приемлемы. В централизованном государстве с огромной территорией вырабатываются тяжелые комплексы провинциальной неполноценности: все эти вопли трех сестер “В Москву! В Москву!”. И наоборот: в виде компенсации за заброшенность появляется мощная местная мифология, вроде той, которая проводит ось планеты через Пермь. Возмещающая увеличивающийся отрыв от Большой земли, дальневосточные поэты, которые мне встречались в Хабаровске, пишут космические абстрактные стихи, в которых нет ни малейшей местной особенности. По-другому, чем столичные политики, держатся правители отдаленных областей. Чем

дальше от Москвы, тем сильнее и разветвленное миф о зловещем злокозненном центре.

Что до личных взаимоотношений человека с местом — связь несомненна. Иногда — пугающе явственна: как в любви-ненависти Джойса к Дублину или Флобера к Руану, в превращении Барселоны в город Гауди, а Эль Греко — в художника Толедо, в стилистическом соответствии Малера Вене. В русской культуре — не представимый нигде, кроме Петербурга, Достоевский, мыслимый только в Москве поздний Булгаков, одесский Бабель. Каждый из нас знает, как связаны душевные переживания с декорациями, в которых они происходят, — с проницательной силой это дано у Пастернака в “Марбурге”, где город выступает непосредственным участником любовной драмы.

Гляди. Замечай. Чем обильнее замеченные и названные предметы покрывают землю, чем вернее их число стремится к неисчислимому множеству, тем больше пространство походит на время. И тогда нанизанные на путеводную нить объекты словно получают четвертое измерение, становятся временными сгустками, фиксируют твое передвижение по миру и по жизни.

Странствие выполняет по отношению к пространству ту же функцию, что текст по отношению к листу и речь по отношению ко времени: заполняет пустоту.

Смысл словесности путешествий, в которой происходит реализация метафоры “жизненный путь”, — расстановка вех в памяти. Попытка запечатлеть настоящее. Веха, имеющая имя и адрес, — конкретна.

Такие опоры существуют в литературном творчестве всегда, но жанр путешествия позволяет их строить из практически чистого материала: автор имеет дело с реальностью, не нагруженной никакими иными ассоциациями, кроме только что возникших.

Цель скитаний — возвращения. Странствия одомашнивают пространство, и, чем больше становится прирученных мест, тем больше возвратов. Тем выше вероятность нового прихода домой.

1
**“ДОРОГИ,
КОТОРЫЕ МЫ
ВЫБИРАЕМ...”**